

Др Шемякин А.Л.
Институт славяноведения и
Балканистики, Руска Академија
Москва

UDK 323(497.11) „1878/1888”
329(497.11) „1878/1888”

Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации.

АПСТРАКТ: Рад је посвећен различитим оријентацијама у развоју Србије од 1878. до 1888. године, односно од стицања државне независности до доношења либералног устава.

Великий Восточный кризис 1875-1878 гг., завершившийся конгрессом в Берлине, имел для Сербии последствия двоякого рода. С одной стороны, собравшиеся в германской столице представители великих держав даровали ей независимость и одобрили присоединение четырёх округов за счёт потерпевшей поражение Турции. Но с другой - переключив всю политическую карту Балкан и окончательно оформив их раздел на сферы влияния, они уготовили Княжеству роль „естественного” вассала Австро-Венгрии, чьи владения (после оккупации Боснии и Герцеговины и введения гарнизонов в Новипазарский Санджак) полукольцом охватили его территорию. Тем самым, сербский суверенитет был в значительной степени подорван - Йован Цвиич не без оснований назвал своих земляков „народом, попавшим в плен”¹.

Результаты нового расклада не замедлили сказаться. Включённая в „зону ответственности” Габсбургов, Сербия сразу же ощутила на себе давление Вены, что ускорило процесс идейного размежевания в среде

¹ Цвиич Ј. *Анексија Босне и Херцеговине и српски проблем*. Београд, 1908. С.2 То же на русском языке: *Цвиич Й. Аннексиа Боснии - Герцеговины и сербский вопрос*. СПб., 1909.

немногочисленной местной элиты и способствовало консолидации её основных фракций.

В 1880 г. „безусловный” прежде русофил², князь Милан Обренович открыто перешёл на австрофильские рельсы, связав (отныне и навсегда) свою судьбу с Империей. Столь резкий поворот сербского суверена означал не только кардинальную смену его внешнеполитических ориентиров. Став первым в истории независимой Сербии событием знаковым, он отразил качественный сдвиг в сознании элиты в условиях, когда само обретение государственного суверенитета поставило перед ней новую проблему - проблему выбора перспективного пути социокультурного развития.

Куда идти и с кем идти? Вопрос этот имел фундаментальное значение для отсталой крестьянской страны, которая „только в XIX веке стала выходить из сферы оттоманской цивилизации и при этом испытывать растущее воздействие Европы”³. Специфику внутренней борьбы в начальный период независимости, равно как и её предельно ожесточённый характер, невозможно понять и рационально объяснить вне рамок этого движения Сербии „навстречу” Европе, т.е. модернизации, под чем подразумевается „переход из традиционного времени в Новое, от традиционного общества к современному”⁴.

Очевидно, что всякому государству, вступившему на такой путь, свойственен идейный дуализм, который нередко приобретает черты жёсткой биполярности - „полное неприятие или безусловное одобрение”⁵. И Сербия последней четверти прошлого века здесь не исключение. „Либеральная идея и традиция” - эта сквозная дихотомия определяла все зигзаги её истории в ту эпоху. Она порождалась амбивалентным характером общества, „разрывавшегося” между патриархальностью - т.е. закрытым типом социума, который сербский народ создал, чтобы сохранить себя под турками, - и началами модернизации⁶.

Данное противоречие между стремлением части правящей элиты к модернизации (европеизации) собственного государства и глубоко укоренённой в народном сознании патриархальностью, имманентно присущее Сербии ещё со времён Революции (1804-1835), особенно обос-

² См.: Руска политика и српски владари (Последњи речи краља Милана) // *Тодоровић П. Огледало. Зраке из прошлости*. Приредила Л.Перовић. Београд, 1997. с.626-627.

³ Митровић А. „Европеизација и/или модернизација” *Godišnjak za društvenu istoriju*. Београд, 1994. Св.2. с.143.

⁴ Фёдорова В.Г. *Модернизација „другой” Европы*. М.,1997. с.33.

⁵ Скопетеа Е. Оријентализам и Балкан, *Историјски часопис*. Београд, 1992. Књ. XXXVIII (1991). с.139.

⁶ Перовић Л. *Српски социјалисти XIX века*. Београд, 1995. Књ.3. С.10; Шемјакин А.Л. „Либерална идеја и традиција: унутрашња борба у Србији у првој деценији независности” *Српска политичка мисао*. Београд, 1997. Бр.1-2. с.119-136.

трилось именно на рубеже 70-80-х гг., породив раскол среди национальной интеллигенции. Известный немецкий социолог Карл Манхейм в своё время писал, что „общую характеристику интеллектуального климата в стране лучше всего можно представить ... через описание того, как эта страна поглощает и трансформирует иностранное культурное влияние”⁷. В основе внутрисербского конфликта как раз и лежало отношение к Европе, её ценностям и образцам.

* * *

Одна часть интеллектуальной элиты (а в условиях аграрного общества это почти всегда означало - одновременно и политической⁸) полагала необходимым как можно быстрее освободиться от оков „варварства” и активно использовать в процессе государственного строительства опыт Европы.

„Народ сербский, - размышлял в начале переломных 1880-х гг. блестящий юрист, на время ставший премьер-министром, Милан Пирочанац, - обладает прекрасными общественными способностями и филантропическими свойствами, но ему, как и остальным славянам, не хватает государственной дисциплины, которая даёт другим народам возможность рационально устроить свою государственную жизнь... Наша цель и стремление состоит в том, чтобы привнести в наш народ тот европейский дух, который создал и сделал жизнеспособными многие нынешние державы. Опираясь же только на присущие сербам особенности и свойства характера, невозможно обеспечить существование сербского государства. Потому-то и необходимо научить наш народ государственной дисциплине”⁹, т.е. осознанному уважению гражданина к государственным институтам и закону. Последнего же, по мнению Пирочанца, можно добиться лишь в том случае, если государство „считает своей целью человека, а не самое себя”, т.е. руководствуется базисным принципом европейского либерализма - „человек свободен и обладает правом использовать и совершенствовать все способности, которыми он наделён от природы”¹⁰.

Бороться „против псевдолиберализма, но за утверждение современных, подлинно либеральных государственных основ”¹¹, тогда же

⁷ Манхейм К. *Консервативная мысль*; Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. М., 1994. с.617.

⁸ См., например: Перовић Л. „Научник и политичар: Јован Жујовић (прилог проучавању српске елите)” *Токови историје*. Београд, 1993. Бр.1-2. с.55.

⁹ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее - АСАНУ). Бр.9989. Дневник Милана Пирочанца; Перовић Л. *Зайварање круга*. Сарајево, 1991. с.15.

¹⁰ Пирочанац М. Реферат о делу Блунчлијевог „Карактер и дух политичких партија” // *Годишњица Николе Чуйића*. Београд, 1879. Књ.3. С.XXXVIII.

призывал и виднейший историк Стоян Новакович. А Милан Миличевич - крупный писатель и этнолог - в качестве идеала провозглашал „чистый конституционализм”¹², понимая под таковым „закон, свободу и прогресс”¹³... Как видим, главной целью сербских „европеистов” в политике было превращение современной им Сербии в правовое либеральное государство, где высшей ценностью признаётся свободная личность и её права.

Под „европеистами” следует понимать группу интеллектуалов, сплотившихся в декабре 1879 г. вокруг газеты „Видело” („Свет”), а чуть более года спустя составившую мозговой центр формирующейся напредняцкой (прогрессистской) партии. В программном номере „Видела” члены группы заявили о своём намерении способствовать тому, чтобы сербы „встали в один ряд с европейскими народами, цивилизацию которых мы высоко ценим”¹⁴. Именно их в октябре 1880 г. Милан Обренович призвал к власти. Странники быстрой трансформации Сербии¹⁵, новые министры ориентировались на Европу как во внутренней, так и во внешней политике. Они поддержали проавстрийский курс князя, полагая, что Вена должна стать для Белграда „окном” в Старый Свет.

Облечённые властью, напредняки активно взялись за выполнение программы „европеизации Сербии”¹⁶. По точной оценке Милоша Трифуновича, „для новых министров, получивших образование на Западе, в основном во Франции, западные учреждения являлись образцом, и в начале своего правления они предполагали „пересадить” их на сербскую почву”¹⁷. И действительно, предложенные ими законы о свободе печати и собраний, об общественных организациях и независимости судопроизводства; идея изменения конституции с тем, чтобы „династия

¹¹ Крестић В., Љушић Р. *Програми и сјатајући српских јолиитичких сјранака до 1918. године*. Београд, 1991. с.109.

¹² АСАНУ. Бр.9327/10. Дневник Милана Миличевича (запись от 4 декабря 1879 г.).

¹³ Именно так трактовала „чистый конституционализм” программа газеты „Видело” от 15 декабря 1879 г. (Крестић В., Љушић Р. *Програми и сјатајући српских јолиитичких сјранака...* с.107).

¹⁴ Крестић В., Љушић Р. *Програми и сјатајући српских јолиитичких сјранака...* с.109.

¹⁵ Самый точный „диагноз” политической силе, пришедшей к власти, поставила российская дипломатия. В отчёте своего министерства за 1880 г. мидовские аналитики констатировали, что новый кабинет в Сербии составили деятели „самых либеральных убеждений, поставившие себе задачей изменить весь государственный строй своего отечества” (Архив внешней политики Российской империи. Ф. Отчёты (1880). Л.136 об.; (1881). Л.11 об.).

¹⁶ Алексић-Пејковић Љ. „Оријентација Србије на Западу Европу и Стојан Новаковић” У: *Стојан Новаковић. Личност и дело* (Зборник радова). Београд, 1995. с.93.

¹⁷ Трифуновић М. *Историја Радикалне сјранке (Од јосјанка до 1903.)*. Београд, 1995. с.84. См. также: Батаковић Д. „Србија на Западу: о француским утицајима на политички развој модерне Србије” // *Сусрећ или сукоб цивилизација на Балкану* (Зборник радова). Београд, 1998. с.317; Поповић-Обрадовић О. *Парламентаризам у Србији. 1903-1914*. Београд, 1998. с.59.

возвышалась над политической борьбой”¹⁸, проект учреждения Сената в качестве верхней палаты сербского парламента - всё это можно рассматривать как попытку привести политический строй Княжества в соответствие с канонами Европы. В области экономики именно при напредняцком правительстве были построены первые железные дороги, проведена налоговая реформа, основан Национальный банк.

В общем и целом, напредняки последовательно стремились к реализации провозглашённой ими доктрины прогресса: „превратить нашу патриархальную родину в современное европейское государство”¹⁹ - централизованное, основанное на власти закона, с парламентской системой (но ограниченной ровно настолько, насколько она могла бы обеспечивать законодательную гегемонию новой интеллектуальной олигархии), сильным аппаратом (как проводником реформ сверху) и исключительно политическими функциями. Внутренняя индустриализация, для проведения которой правительство активно привлекало иностранный капитал, становилась основой его экономической стратегии, а свобода личности и этика индивидуализма объявлялись высшими общественными добродетелями. Монарх не скрывал своего идеологического единомыслия с членами кабинета. Он также рассматривал начавшийся в 1878 г. период сербской истории как „переход от древней патриархальности в новое время”²⁰.

Прекрасную интегральную характеристику напреднякам и их политике дал бельгийский экономист Эмиль де Лавелэ, посетивший Сербию в начале 1880-х гг. „Партия прогрессистов, - писал он в путевых заметках, - соответствует либералам Запада. Она мало уважает старинные учреждения, на которые смотрит как на остаток варварства... Эта партия желает наделить свою страну как можно скорее всем тем, что составляет так называемую западную цивилизацию: крупное производство, железные дороги, финансовые предприятия, банки и кредит, все степени образования, красивые монументальные постройки, хорошо вымощенные и освещённые газом города, обеспеченную буржуазию, ведущую жизнь на широкую ногу, развитие богатства, а для осуществления этой программы: усиление власти и денежности правительства и централизацию в управлении страной. Король²¹, который желает видеть свою страну быстро идущей по пути прогресса, - заключал наблюдательный гость, - склоняется по преимуществу к этой группе „либералов””²².

¹⁸ Крестић В., Љушић Р. *Програми и стајатији српских политичких странака...* с.108.

¹⁹ Цит. по: Екмечић М. *Стваранје Југославије. 1790-1918*. Београд, 1989. Књ.2. с.389.

²⁰ Стенографске белешке о седницама Народне скупштине. Београд, 1884. с.107.

²¹ В феврале 1882 г. Сербское княжество было провозглашено королевством, а Милан Обренович - королём.

²² Лавелэ Э. де. *Балканский полуостров*. М.,1889. ч.1. с.201.

Но специфика отсталой Сербии властно диктовала своё - сторонники Европы так и остались в меньшинстве. Они не встретили того социального энтузиазма, на который могли бы опереться в реформаторской деятельности. „Негативную позицию по отношению к модернизации государства на европейский манер, - подчёркивает Владимир Дворникович, - занял сам его основатель и главный столп - шумадийский крестьянин. Суть этой позиции заключалась в требовании забирать у народа как можно меньше на нужды государства”²³, что коренным образом разнилось с намерением властей „усилить денежность правительства”. В таких условиях министры были вынуждены всё чаще оглядываться на королевский двор, превращаясь постепенно в его заложников...

В отличие от напредняков, другая часть сербской элиты была совсем не уверена, что европейские либеральные ценности имеют универсальный характер. Оказавшись перед необходимостью дать ответ на вопрос - должны ли результаты будущего развития Сербии совпадать с действительностью более развитых стран Европы, или же они должны быть чем-то иным и самобытным - оппоненты сербских прогрессистов явно склонялись к последнему. Известный польский социолог Ежи Шацкий, показавший, что столкновение „западничества и славянофильства” - явление весьма типичное для государств „догоняющего развития”, пишет: „Мыслители развивающихся стран ... второй половины XIX века имели дело не только с лучезарным образцом западноевропейского прогресса. По мере того, как становилось очевидным, что „царство разума было ничем иным, как идеализированным царством буржуазии”²⁴, исчезала привлекательность такого образца и вставал вопрос, можно ли, беря за исходный пункт традиции собственной страны, миновать рифы буржуазного прогресса, от прогресса совсем не отказываясь”²⁵.

Для сербских „антиевропеистов” ответ на подобный вопрос был однозначным - можно. Их концепция прогрессивного развития Сербии действительно базировалась на твёрдом убеждении в необходимости сохранения важнейших институтов и норм традиционного уклада (каковые провозглашались ценностями для сербского народа непреходящими) и соответственно на стойком неприятии пути Европы и её образцов. Иными словами, они рассматривали прогресс „не как что-то противоположное традиционным формам жизни (как полагали их земляки-напредняки. - А.Ш.), а как силу, которая позволяет как раз именно

²³ Дворниковић В. *Карактерологија Југословена*. Београд, 1939. с.862.

²⁴ Польский учёный цитирует здесь работу Фридриха Энгельса „Развитие социализма от утопии к науке” (Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т.19. с.190).

²⁵ Шацкий Е. *Утопия и традиция*. М.,1990. с.263-264.

эти формы сохранять и совершенствовать”²⁶.

10 января 1881 г. газета „Самоуправа” („Самоуправление”) - орган только что основанной сербской народной радикальной партии - писала в своём втором по счёту номере: „Во время, когда фундамент нового сербского государства только закладывался, был избран не тот путь, который способствовал бы духовному и материальному развитию нашего народа, но наоборот - к нам начали заноситься результаты многовековой европейской цивилизации. У нас захотели устроить государство на принципе бюрократическом (что и сделали), а не на основе самоуправления народа, каковое в той или иной форме существовало у наших дедов... Слишком уж велико, - заключал радикальный официоз, - было желание во что бы то ни стало встать в строй цивилизованных государств, и потому в каждой сфере заимствовалось всё, что только наши государственные мужи могли узреть „на стороне”, в „чужом мире”, в политическом устройстве и жизни Запада”²⁷.

Газета, из которой взято столь откровенное высказывание, с головой выдаёт интеллектуалов-традиционалистов, сделавших её своим органом. Ими были ближайшие некогда соратники знаменитого сербского социалиста Светозара Марковича. В кругу бывших светозаревцев, а ныне „отцов-основателей” новой партии, заметное место занимал Никола Пашич. Он и возглавил её Главный комитет.

В своём противлении Европе радикалы были крайне последовательны, и это их качество подпитывалось „импульсами примитивной и патриархальной народной массы”²⁸. Идентифицируя себя с нею, они „на основе патриархальности создавали свою идеологию и организацию, чтобы бороться за власть и строить государство в духе народных традиций”²⁹, важнейшей из которых и была „дедовская” традиция самоуправления. На ней базировалась вся политическая теория наследников Св. Марковича.

Рассматривая сербский народ как единый социальный и национальный организм, они полагали, что посредством системы тотального самоуправления снизу доверху он, как таковой, сможет сам и непосредственно выражать свою коллективную волю, т.е. осуществлять свой суверенитет. А это позволило бы ему уберечь себя и от социальной эрозии, опасность каковой, по мнению радикальных идеологов, после 1878 г. резко возросла. Ведь пропагандируемый напредняками запад-

²⁶ Там же. с.265.

²⁷ *Самоуправа*. 10 јануар 1881 г. Бр.2.

²⁸ Evolutionist. *Радикална сјапанка у Србији (Социјално-политичко и филозофско излагање)*. Ниш, 1904. С.18.

²⁹ Перовић Л. „Политичка елита и модернизација у првој деценији независности српске државе” // *Србија у модернизацијским процесима XX века*. Београд, 1994. с.240.

ный (либерально-капиталистический) вариант прогресса, с его культом индивидуалистического начала и тенденцией к расслоению общества на враждебные классы, содержал немалую угрозу для достаточно гомогенного сербского социума, исторически лишённого аристократической и буржуазной надстроек. „В Европе, - с гордостью констатировал тот же Н. Пашич, - нет другой такой страны, где распределение земли и имущества было бы столь равномерным, как в Сербии”³⁰.

Эту опять-таки давнюю традицию общественной демократии радикалы и стремились сохранить. черпая идеи и вдохновение в „историческом прошлом народных форм организации общества”, они, по собственному признанию, являлись противниками „принципа чистой абсолютной свободы”, поскольку тот никак не учитывал „важнейшей основы, которая связывает воедино всё общество, а именно - солидарности его членов и их благосостояния”³¹. Как видим, радикальные представления о свободе несли в себе мощный социальный заряд. При таком раскладе „свобода являлась средством, равенство - целью”³². По точной оценке Латинки Перович, идеология сербской радикальной партии - „это народническая доктрина, её социальный стержень - эгалитаризм”³³.

Отсюда проистекают и становятся окончательно ясными мотивы и пафос той острой, бескомпромиссной борьбы радикалов против австро-фильского курса белградских властей, которые, как писал Пашич, „желали бы сразу обратить Сербию в маленькую западную державу, не обращая внимания ни на что сербское и славянское”³⁴. Австро-Венгрия для него - это не столько главное препятствие на пути удовлетворения сербских национальных интересов, сколько олицетворённая парадигма Запада: геополитическую экспансию Вены он и его соратники воспринимали как наступление западной цивилизации („эгоистической западной культуры”³⁵), грозившее уничтожить сербскую самобытность, отождествляемую ими с только что обретённой независимостью...

* * *

В политической сфере особенности либерализма напредняков, равно как и глубокая приверженность традиции их радикальных оппо-

³⁰ АСАНУ. Бр.10593/4. Л.1; Архив Србије (далее - АС). Фонд „Поклони и откупи”. Збирка Ристе Одавића. Кутија XI. Бр.44 (шта каже Никола Пашић?). Л.8.

³¹ Анђелковић Ђ. *Мисли о извршењу њивредног програма радикалне странке*. Београд, 1891. с.26.

³² Перовић Л. *Српски социјалисти XIX века...* Књ.3. с.91.

³³ Там же. с.120.

³⁴ „Обзор деятельности сербской оппозиции”. Записка Н.Пашича директору Азиатского департамента МИД России И.А.Зиновьеву. 1887 г. // *Исторический архив*. 1994. № 5, с.112.

³⁵ Там же.

нентов, наиболее отчётливо проявились в проектах конституции, подготовленных идеологами обеих партий практически одновременно - в 1883 г., в ожидании давно назревшей конституционной реформы.

Зачинатели новой, более агрессивной, тенденции в сербском либеральном движении, члены кабинета М.Пирочанца³⁶ резко критиковали либералов первого поколения во главе с Йованом Ристичем за ошибочный путь конституционного развития государства, якобы избранный теми после убийства князя Михаила Обреновича и закреплённый в Основном Законе 1869 г. „Старые” либералы, по их мнению, „исказили каноны западного конституционализма уже тем, что попытались совместить их с патриархальными традициями аграрной Сербии”³⁷. Создав однопалатную скупщину, на три четверти избираемую народом, и практически исключив из её деятельности интеллигенцию³⁸, Ристич, как они полагали, отдал сербский „парламент” на откуп крестьянской массе, совершенно ещё не созревшей для сознательного государственного творчества. Давние демократические традиции сербов, которые тот учёл в своей конституционной практике, отнюдь не казались напреднякам, в случае их институционализации, надёжным пропуском в заветное поле европейских политических институтов. Сербская скупщина и близко не напоминала им классическую „ассамблею”.

Отрицая какую бы то ни было прогрессивность традиции и не веря в политические способности массы, премьер и его сторонники считали, что только образованная, обладающая знаниями элита в состоянии обеспечить ускоренное движение отсталой Сербии в Европу. Следовательно, главной своей целью они видели законодательное оформление её политической гегемонии в государстве. В рамках конституции 1869 г. добиться этого не представлялось возможным, а потому был избран иной путь - путь насаждения „чистого конституционализма”, предполагавший прямое заимствование (а не приспособление, как у Ристича) западных принципов и образцов, и соответственно - коренную ломку традиций собственной страны³⁹.

Данный подход напредняки продемонстрировали в своём конституционном проекте⁴⁰. Центральным в нём стал вопрос о будущем серб-

³⁶ См. и оценку Ольги Попович-Обрадович: с ними „либерально-реформаторские идеи в Сербии обрели не только новую силу, но и новое содержание” (Поповић-Обрадовић О. *Парламентаризам у Србији...* с.59).

³⁷ Stokes G. *Politics as Development. The Emergence of Political Parties in Nineteenth-Century Serbia*. Duce University Press. Durham & London, 1990. p.181.

³⁸ Согласно конституции 1869 г., четверть депутатов Народной скупщины предлагал князь, а государственные чиновники не имели права баллотироваться в неё.

³⁹ См. также: Алексић-Пејковић Љ. „Оријентација Србије на Западну Европу и Стојан Новаковић” // *Стојан Новаковић. Личности и дело* (Зборник радова)... с.39.

⁴⁰ Текст проекта опубликован в: Продановић Ј. *Уставни развитак и уставне борбе у Србији*. Београд, 1936. с.254-265.

ском парламенте. Вместо однопалатной, почти чисто крестьянской по составу, скупщины Ристича авторы документа предполагали создать в Сербии двухпалатную представительную систему. В качестве верхней палаты, отталкиваясь от европейской практики, они предложили учредить Сенат, в котором, по их замыслу, должны были заседать представители высшей бюрократии и интеллигенции. Другое важнейшее новшество касалось порядка выборов. Во-первых, проект предусматривал введение высокого избирательного ценза, а во-вторых - разделение граждан на две курии, исходя из их имущественного состояния. Лица, платившие 30 динаров годового налога, имели право избирать одну треть депутатов; те же, кто выплачивал 50 динаров (завершено меньшинство) поставляли „оставшиеся” две трети. Немалая часть сербского населения, платившая в год менее 30 динаров, была, таким образом, вообще исключена из политической жизни.

Эти меры, как полагал автор проекта М.Пирочанац, имели бы целью „обеспечить перевес ума над сырой массой”⁴¹, т.е. способствовать укреплению государственной дисциплины, чего - вспомним его раннее высказывание - так не хватало славянскому миру. По точному определению Слободана Йовановича, „идеалом напредняков являлась парламентская система, но при условии, что в парламенте должны заседать господа”⁴². (И это, заметим, в стране, где, по словам современников, „нет ни дворянства, ни военной касты, ни духовного сословия, ни разных народов, которые могли бы возвышаться один над другим”⁴³, а „земледельческое население, крестьянство почти не разделено на различные категории”⁴⁴.) В рамках именно такого „парламентаризма” и должны были работать предложенные кабинетом и одобренные скупщиной законы о свободе печати, собраний, союзов; о независимости судопроизводства и т.д., призванные защитить личность от былого произвола властей. Как видим, „по сравнению с либералами Ристича напредняки стремились к более широким свободам, но при этом они оказались гораздо меньшими демократами”⁴⁵.

Откуда конкретно могли они черпать свои идеи? По мнению американского исследователя Гейла Стоукса, политическая мысль сербских прогрессистов начала 80-х гг. во многом перекликалась с идеями английских и французских либералов 30-40-х гг.⁴⁶ (в отличие от

⁴¹ Јовановић С. *Влада Милана Обреновића*. Београд, 1934. Књ.2. с.353.

⁴² Там же. с.354.

⁴³ Пашић Н. „Моја политичка исповест” // *Србија и коментари*. Београд, 1989. с.132.

⁴⁴ Жујовић Ј. *Дневник*. (Приредио Д. Тодоровић). Београд, 1986. Т.1. с.47-48.

⁴⁵ Јовановић С. *Влада Милана Обреновића...* Књ.2. с.352. См. также: *Петровић М.Б. A History of Modern Serbia. 1804-1918. New York & London, 1976. Vol.2. p.416.*

⁴⁶ Stokes G. *Politics as Development. Emergence of Political Parties in Nineteenth-Century Serbia...* p.297.

политической доктрины Й.Ристича, представлявшей собой проекцию прусской модели на сербскую традицию⁴⁷). Особенно, как представляется, близки им были по духу орлеанисты или „доктринёры”: Ф.Гизо, А.Тьер, В. де Брольи - идеологи и практики Июльского режима во Франции (1830-1848). Их интеллектуальный и политический либерализм также имел мало общего с демократией. Демократия подразумевает равенство, орлеанизм же предполагал неизбежное превосходство социальных элит⁴⁸. Сближало с ними напредняков и то, что те, как и они сами, представляли собой цвет национальной интеллигенции. Недаром Июльскую монархию историки нередко называли „монархией профессоров”. Наконец, именно из среды орлеанистов возникла впоследствии идея учреждения Сената в качестве инструмента защиты от страшившей их „тирании ассамблей”, т.е. потенциального радикализма нижней палаты⁴⁹.

Итак, можно заключить, что в своих политических реформах и проектах напредняки последовательно стремились к установлению в Сербии политического господства интеллектуальной олигархии, как движущей силы прогресса и „воспитательницы” масс⁵⁰. На практике это должно было означать укрепление государственного аппарата в центре и на местах, поскольку в сербских условиях именно государственная служба абсорбировала практически весь образованный слой⁵¹; а также окончательное вознесение бюрократии над народом („ума” над „сырой массой”) и законодательное оформление этой искусственно создаваемой иерархии...

Совсем иную модель государства предложили в своём проекте конституции радикалы⁵². Ими была выдвинута идея „народного суверенитета”, суть которой предельно чётко выражена в его первой статье: „Сербский народ - суверен в Сербском королевстве. Из народа исходит всякая власть. Народ - источник и хранитель власти в государстве”.

Данный принцип верховенства суверенной народной воли базировался на „трёх китах”. Первый - это давняя традиция самоуправления, как основа всей радикальной системы административно-политического устройства Сербии и воплощение полной демократии. Второй - цен-

⁴⁷ Ibidem; Протић М. *Усјон и њад српске идеје*. Београд, 1994. с.108-109.

⁴⁸ Согрин В.В., Патрушев А.И., Токарева Е.С., Фадеева Т.М. *Либерализм Зайада. XVII-XX вв.* М.,1995. с.66.

⁴⁹ Там же. с.70-71.

⁵⁰ Petrovich M.B. *A History of Modern Serbia. 1804-1918...* Vol.2. p.416.

⁵¹ Очень точно сказал об этом Л.Д.Троцкий: „В культурно отсталых странах, как Сербия, учёность сама по себе представляет настолько ценный капитал, что он без труда находит себе помещение на всех поприщах общественной деятельности” (Троцкий Л.Д. *Сочинения*. Т.6. с.83).

⁵² Текст проекта опубликован в: Милошевић Р. *Тимочка буна*. Београд, 1923. с.106-126.

тральное положение Народной скупщины, которая, как верховный орган народного представительства, приобретала бы с точки зрения властных прерогатив решающее значение, практически затмевая собою престол. И третий (что логически вытекает из первых двух позиций) - явная вторичность исполнительной власти. жёсткой бюрократической вертикали, за что так ратовали напредняки, радикальный проект не предусматривал. Согласно ему, кабинет министров находился в полной зависимости от скупщины, лишённый свободы даже оперативного маневра. На местном уровне - в общинах и срезгах (уездах) - все чиновники подлежали избранию, причём с правом досрочного отзыва⁵³.

На практике такая „триада” означала бы следующее. Сербский народ, сохранивший высокую степень внутренней однородности и традиционно организованный в самоуправляющиеся первичные коллективы (общины), должен был точно так же, т.е. самостоятельно и без посредников (бюрократии), управлять собой и на государственном уровне, свободно выбирая своих доверенных лиц в высшую представительную инстанцию (скупщину), становящуюся средоточием народного суверенитета. Все остальные институты уходили в тень, играя сугубо подчинённую роль.

В этой ничем не искажённой проекции исходного самоуправленческого начала на верхние этажи государственного здания и состояла главная особенность политической доктрины сербского радикализма. В наиболее чистой форме она проявилась на линии „община - Народная скупщина”.

В отношении радикалов к общине господствовал традиционный подход. Они рассматривали её как тот спасительный институт, который помог сербам выжить в условиях многовекового османского господства. Ведь именно „общинный уклад жизни, - как писала „Само-управы”, - сохранил в народе столько силы физической и духовной, что он смог сбросить с себя турецкое ярмо в начале XIX века”. Чем же характеризовался старый уклад? „Взаимопомощью и солидарностью” - давал ответ радикальный официоз, - замешанными на патриархальном демократизме: „Этот общинный уклад, этот солидарный образ жизни и взаимопомощь были настолько развиты у нашего народа, что он сам выбирал себе кмета и священника, настоятеля монастыря, и учителя; сам судил за преступления и разводил браки; и сам же, когда находил нужным, отказывал своим старейшинам в доверии”⁵⁴. Коллективная воля населения, свободно выраженная на общинном сборе, становилась, таким образом, высшей и единственной властью в общине, призванной

⁵³ Подробный разбор документа см.: Шемякин А.Л. *Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891)*. М., 1998. с.291-301; 316-331.

решать *практически все* вопросы - от выборов старейшин и подворной раскладки налогов, до вынесения судебных вердиктов.

Тот же принцип, по мнению радикалов, был характерен в начале века и для государственности новой Сербии. „Общинный дух, - подчёркивала „Самоуправа“, - был настолько силён, что скупщина являлась подлинным народным представительством, перед которым отчитывались все: и воеводы, и советники, и сам вождь... Она была *высшим судьей и самой авторитетной властью в стране* (выделено нами. - А.Ш.)”⁵⁵. Порядок этот казался радикалам совершенно естественным: освобождённая снизу (в результате широкого народного движения) Сербия должна была точно так же строиться и политически, произрастая вверх от своего „краеугольного камня” - спасительной общины. „Государство, - писал Н.Пашич, - должно нести на себе печать своего творца”⁵⁶.

Община, таким образом, становилась для него и его соратников как бы микромоделью государства. Не случайно именно её, а не срез, округ или старую нахию глава радикалов называл „школой гражданской жизни в государстве”⁵⁷. Она являлась той первичной государствообразующей единицей, в которой уже были заложены и институционально оформлены все основополагающие принципы оптимального для Сербии политического устройства. И главным из них был принцип общинного самоуправления. Его надлежало только „поднять” до уровня государства. Равно как и институты, посредством которых механизм самоуправления приводился в действие. Следовательно, общинный сбор - этот своего рода местный референдум, решения которого имели обязательный характер в пределах данной общины, должен был, выйдя на общегосударственный уровень, трансформироваться в верховный представительный орган с той же практически не ограниченной компетенцией⁵⁸. Потому-то и наделяли радикалы в своём проекте конституции Народную скупщину исключительной властью, за счёт решающего сужения прерогатив Короны. Потому и смешивали её функции, предоставляя высшему законодательному органу право толковать приня-

⁵⁴ *Самоуправа*. 28 апрель 1881 г. Бр.50. Подробнее об общинных порядках см.: Милићевић М. *Општина у Србији*. Београд, 1878; Шихарева М.С. „Сельская община у сербов в XIX - начале XX вв.” // *Славянский этнографический сборник*. М.,1960.

⁵⁵ *Самоуправа*. 28 апрель 1881 г. Бр.50.

⁵⁶ Пашић Н. *Слога Србо-Хрватиа*. (Приредио Ђ. Станковић). Београд, 1995. с.137.

⁵⁷ Там же. с.136.

⁵⁸ Весьма показательным в данной связи является то, что Н.Пашич в своих заметках к радикальному проекту конституции, не вошедших в окончательный текст документа, выдвинул идею всенародного референдума, как высшей формы реализации сербским народом своего суверенитета (АСАНУ. Бр.9778. Протоколи седница Главног одбора радикалне странке).

тые им же законы, выступать в качестве арбитра в отношениях мест и центра, открыто вмешиваться в деятельность исполнительных структур⁵⁹, чего, заметим, не допускали каноны европейского либерализма.

Подобное смешение не было случайностью или недосмотром неискушенных в правовых нюансах радикальных идеологов. Суть демократии в рамках их доктрины „народного суверенитета” состояла в том, что свободно выраженная политическая воля целой корпорации парила в своём могуществе высоко над всякой отдельной волей, подминая её под себя, ибо „государство и нация не должны пониматься как сумма их индивидуальных членов, напротив, индивидуум должен пониматься как часть более широкого целого”⁶⁰. В рамках такого (архаически-солидаристского) восприятия демократии сам принцип разделения властей терял почти всё своё значение. Ведь если законодательную власть, т.е. народное представительство, является органом, выражающим общую волю, то противопоставить ей другие ветви власти - исполнительную и судебную - в качестве равных факторов и реальных противовесов, практически невозможно. Наоборот, правительство и судебную систему следует рассматривать как нечто, из законодательной власти вытекающее и в значительной степени ей подчинённое. Именно поэтому говорить о какой-то независимости властей в концепции соратников Н.Пашича не приходится; речь может идти только о распределении функций единой нерасщеплённой власти. Разве не тот же принцип веками лежал в основе общественно-политической практики сербской общины?⁶¹

Эта прямая связь проектируемого радикалами „парламента” с традиционным общинным началом свидетельствовала об их стремлении не только сохранить давние демократические особенности, присущие социальной организации сербов, но и воспроизвести их на государственном уровне. А это, как они полагали, наилучшим образом гарантировало бы „сверху” базисные характеристики самого общества - равенство, коллективизм, солидарность. Народная воля, таким образом, господствуя и в общине, и в скупщине, защищала бы самое себя. „Народ сербский, - говорил Н. Пашич, - полон демократического духа и демократических особенностей. Но, вместе с тем, он также полон консерватизма в своих общественных воззрениях. И если бы государственные институты и законы проистекали из этого его духа и особенностей,

⁵⁹ Шемякин А.Л. *Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)*... с.295–296; 298.

⁶⁰ Манхейм К. *Консервативная мысль* // Манхейм К. *Диагноз нашего времени*... с.618.

⁶¹ По словам известного французского философа жана Бешлера, „община предлагает исключительно чистую транскрипцию демократических принципов”. При этом, „её „институты” не имеют ничего общего с теми, которые создала современная эпоха” (Бешлер Ж. *Демократия. Аналитический очерк*. М.,1994. с.156).

как, собственно говоря, должно и быть, то они бы носили постоянный характер и могли развиваться веками, *не меняя своих основ* (выделено нами. - А.Ш.)⁶².

Как видим, в то время как напредняки предполагали использовать задуманный ими государственный механизм для „воспитания” и быстрой трансформации патриархального сербского общества, радикалы фактически отождествляли общество и государство, что являлось для них залогом сохранения социальной константности - учение о народном духе, по оценке К.Манхейма, „всегда связано с неосознанным желанием не позволить человеку и обществу выйти за пределы данного состояния”⁶³.

В основу такого понимания государственности радикалами были положены традиции общины и задруги (самоуправление, коллективистская ментальность, эгалитаризм), что соответствовало и её патриархально-народному восприятию: государство - это „во много раз увеличенная копия своего микромира”⁶⁴. Поэтому не кажется чем-то удивительным феномен безоговорочной поддержки, оказанной им сербским крестьянством. Данный феномен имеет и более широкое - сущностное - толкование. Радикальная партия являлась принципиальной противницей мероприятий правительства, носивших модернизационный характер, с ходу отвергая законы о железной дороге, банках, регулярной армии; выступая против привлечения в страну иностранного капитала и т.д. Как таковая, она политически выражала стихийный отпор крестьянской массы, которая не желала ломки привычного уклада жизни в системе аграрного статичного мира, а потому и сопротивлялась всем, проникавшим извне (в её представлении - из чуждого мира), новациям⁶⁵.

Классическим примером этого политически „оформленного” сопротивления стало жёсткое столкновение позиций напредняцкого парламентского большинства и радикальной оппозиции по так называемому „железнодорожному вопросу”.

⁶² АСАНУ. Бр.10593/4. Л.1; АС. Фонд „Поклони и откупи”. Збирка Ристе Одавића. Кутија XI. Бр.44 (шта каже Никола Пашић?).

⁶³ Манхейм К. *Человек и общество в эпоху преобразования* // Манхейм К. *Диагноз нашего времени...* с.284.

⁶⁴ См.: Данилова Л.В., Данилов В.П. *Крестьянская ментальность и община* // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.)*. М.,1996. с.23.

⁶⁵ „Нормальная и стихийная реакция людей, - подчёркивает Ж. Бешлер, - отрицать, игнорировать или упразднить всё, что слишком отличается от привычного, ибо всё непривычное кажется странным, а всё, что странно, таит в себе угрозу” (Бешлер Ж. *Демократия. Аналитический очерк...* с.137).

* * *

Поводом для конфликта послужил договор о строительстве железной дороги Белград - Ниш (проложить которую Сербию обязывало специальное решение Берлинского конгресса), заключённый кабинетом М.Пирочанца с французской компанией „Юнион Женераль” во главе с Эженом Бонту. За спиной известного предпринимателя стоял австрийский „Лендербанк”, владевший 30 % акций его фирмы. Переговоры между сербским правительством и представителями Э.Бонту начались по инициативе Вены и, видимо, вследствие этого, на удивление быстро и результативно завершились - в конце января 1881 г. соглашение было подписано. Представленное затем скупщине на ратификацию, оно вызвало ожесточённую дискуссию, каковая и является объектом нашего внимания.

По наблюдению Л.Перович, „сравнение аргументации, которой при обсуждении железнодорожного договора пользовались представители власти, с одной стороны, и члены оппозиции, с другой, ... открывает характерное сопротивление первым симптомам грядущей модернизации”⁶⁶. И это не удивительно, ибо „модернизация всегда провоцировала ответную реакцию слабо развитого общества, вызывая в нём страх и неизвестность”⁶⁷. Причём наиболее отчётливо (становясь по сути дела универсальным правилом) эта закономерность вызова - ответа „работала” именно в случаях со строительством железных дорог, которые для XIX века являлись, пожалуй, самым ярким образчиком того, как, говоря словами академика А.М.Панченко, „техническое новшество затрагивало духовную жизнь и естественным образом порождало сложные проблемы”⁶⁸. Можно, наверное, даже утверждать, что отношение к ним служило тогда определяющим критерием принадлежности элиты (особенно в развивающихся странах) к команде модернизаторов или лагерю приверженцев традиции. Не случайно, размышляя об устойчивых признаках традиционализма, К.Манхейм заметил: „Нет, например, сомнений насчёт реакции традиционалиста на введение железных дорог”⁶⁹. Она могла быть только отрицательной.

⁶⁶ Перовић Л. „Политичка елита и модернизација у првој деценији независности српске државе” // *Србија у модернизацијским процесима XX века...* с.239.

⁶⁷ Djordjevic D. Stojan Novakovic. Historian, Politician, Diplomat // *Serbian Studies*. Fall/spring 1985/1986. Vol.3. № 3/4. P.45. То же на сербском языке: Ђорђевић Д. Стојан Новаковић. Историчар, политичар, дипломата // Ђорђевић Д. *Поретрети из новије српске историје*. Београд, 1997. с.356.

⁶⁸ Панченко А.М. *Русская культура в канун петровских реформ* // *Из истории русской культуры*. Т.3 (XVII - начало XVIII века). М.,1996. с.12.

⁶⁹ Манхейм К. *Консервативная мысль* // Манхейм К. *Диагноз нашего времени...* с.594.

Значение железной дороги, как символа столкновения агрессивного нового и отступающего под его напором старого, подтверждает и тот факт, что она, а особенно мчащийся по ней поезд, стали самостоятельными художественными образами в европейской культуре прошлого столетия, несущими мощную полисмысловую нагрузку⁷⁰. Для России и русских эту её многозначность удачно выразил американский культуролог Джеймс Биллингтон. „Из всех материальных свидетельств масштабных перемен в послекрымской России, - отмечает он, - ни одно не было столь неизбежным и одновременно столь значимым по своим последствиям, как строительство железных дорог. Ничто так непосредственно не затрагивало русскую провинцию и так драматично не давало ей понять, что рождается какой-то новый и неведомый мир, как прокладка магистралей из северо-западного угла России в её внутренние регионы в 1860-1870-е гг.”⁷¹. Паровозные гудки заглушали звон валдайского колокольчика. Под их аккомпанимент наступал век скорости, действия и движения. Он ломал мир покоя, созерцания и заданности. „Время, вперёд!” - это оттуда...

В Сербии железная дорога порождала аналогичные проблемы и противоречия. Дискуссия в Народной скупщине наглядно подтверждает это.

Во время обсуждения железнодорожного договора под её сводами бурлили эмоции. Так, словно воистину решался вопрос - быть или не быть Сербии. Со скамей радикальной оппозиции звучали даже голоса, что в случае его принятия „может повториться косовская трагедия”⁷². Психологически такой эсхатологизм понятен и легко объясним -

⁷⁰ С одной стороны, активный противник буржуазно-либерального прогресса Л.Н.Толстой подчёркивал в своей публицистике, что „несомненный факт всегданнего противодействия народного духа к введению железных дорог существует во всей своей силе” (Статья 1863 г. „Прогресс и определение образования”). Что касается его художественного творчества, то особенно показателен в данном контексте образ поезда-убийцы в романе „Анна Каренина”. Железная дорога, призванная вроде бы облегчать жизнь людей, приносит под пером Толстого только горе и смерть - сначала она увозит Вронского, а затем убивает Анну. Хорошо известны также более поздние поэтические образы А.А.Блока („Под насыпью, во рву некошенном, Лежит и смотрит, как живая”) и С.А.Есенина („...живых коней победила стальная конница”)... С другой же стороны, весьма характерны образцы западноевропейской живописи. Первое романтическое воплощение мчащегося локомотива дал английский художник Джозеф М.У. Тернер в своей известной картине „Дождь, пар и скорость” (1844), которая стала своеобразным живописным гимном во славу динамики и прогресса. Не избежал влияния Тернера и французский импрессионист Камилл Писсаро, написавший в 1871 г. пейзаж „Станция Лордшип-Лейн. Далидж”, центральным образом которого также является поезд. Вспомним здесь и Клода Моне с его полотном „Вокзал Сен-Лазар, Прибытие нормандского поезда” (1877). Апология железной дороги была очень популярна среди европейских художников последней трети XIX столетия... Наконец, она же стала символом нового искусства - кинематографа, а вместе с ним и нового века. Первый „фильм” Луи-жана и Огюста Люмьеров, снятый ими в 1895 г., так и назывался - „Прибытие поезда”.

⁷¹ Billington J. *The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture*. London, 1966. p.382.

⁷² Перовић Л. „Политичка елита и модернизација у првој деценији независности српске државе” // *Србија у модернизацијским процесима XX века...* с. 239-240.

слишком велик был страх шумадийского крестьянина перед столь радикальным техническим новшеством, как железная дорога, которую он и в глаза-то не видел. Но что интересно - отнюдь не крестьянские депутаты предводили парламентскую кампанию против соглашения с Э.Бонту; её направляли радикальные интеллектуалы. Так, инженер Пера Велимирович, закончивший в своё время знаменитый Politechnicum в Цюрихе, утверждал, что „не верит ... в пользу договора”, но, напротив, убеждён, что „он вреден, и то как вреден, для нашей страны”⁷³. Коста Таушанович, получивший коммерческое образование в чехии и Германии, также доказывал, что „наш культурный уровень, состояние нашей экономики и наша бедность не позволяют нам строить железную дорогу, ибо в тех условиях, в каких мы сейчас находимся, она не принесёт нам никакой пользы, а обернётся лишь вредом”⁷⁴. Схожие соображения высказывал и профессор Светомир Николаевич, завершивший некогда университетский курс в Лондоне⁷⁵.

Что касается вождя радикалов Николы Пашича - инженера путей сообщения и однокашника П.Велимировича по цюрихскому Политехникуму, - то его позиция относительно целесообразности строительства железной дороги в Сербии была вполне созвучна взглядам коллег. Наиболее полно он выразил её в своей речи 11 мая 1880 г. во время обсуждения в скупщине железнодорожной конвенции, подписанной тогдашним премьером Й.Ристичем с представителями Австро-Венгрии⁷⁶. Год спустя, когда депутатские копыя ломались уже вокруг договора с Э.Бонту, он дал возможность высказаться соратникам. А потому именно то (раннее) его выступление следует подверстать к нашим рассуждениям⁷⁷.

Начнём с того, что Н.Пашич отнюдь не являлся убеждённым противником железных дорог. „я как инженер, - говорил он, - не могу не желать, чтобы по всем направлениям нашей страны были проложены магистрали”. Но это в принципе. При анализе же положений конкретной конвенции он полагал необходимым руководствоваться „не личными

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Николајевић Б. *Радикална стiранка и Свейомир Николајевић*. Београд, 1938. с.10.

⁷⁶ Берлинский конгресс 1878 г. обязал Сербию построить магистраль, связующую Европу с Ближним Востоком, в принципе. Железнодорожная конвенция, подписанная в 1880 г., оговаривала технические аспекты сроки, маршрут, стыковка с венгерскими дорогами, условия эксплуатации). Договор с Э.Бонту от 1881 г. называл уже конкретного подрядчика и регулировал все финансовые вопросы.

⁷⁷ Текст майской речи Н. Пашича опубликован в: Никола П. Пашић. *Писма, чланци и говори (1872-1891)*. (Приредили Л. Перовић и А. Шемјакин). Београд, 1995. с. 63-75; Никола Пашић *У Народној скупштини*. (Приредила Л. Перовић). Београд, 1997. Књ. 1. с. 451-467 (документ 199).

желаниями, но исключительно интересами Отечества”, каковые (в его трактовке) настоятельно требовали одного - ни в коем случае не допустить строительства, ибо, „замыкая нас на Вену и Будапешт”, оно „угрожает независимому развитию нашей страны”. Попытаемся расшифровать алгоритм такой угрозы по Пашичу.

Прежде всего, с точки зрения реальных внутренних потребностей Сербии начала 1880-х гг., железная дорога вообще не казалась ему объектом первой необходимости. „Наша промышленность, - говорил он, - не настолько развита, чтобы требовать быстрого и дешёвого выхода на мировые рынки; наша торговля не настолько масштабна, чтобы очень желать прокладки железной дороги; наше сельское хозяйство также вполне может без неё обойтись”. Тем не менее, „по решению Берлинского конгресса, мы обязаны строить дорогу, которая, следовательно, как производное международной политики, предназначена не для нас, а для мировой торговли”. Вызванная к жизни отнюдь „не потребностями нашей страны”, она, по мнению Пашича, и будет служить интересам чуждым и враждебным. Каким же? Его ответ предельно ясен: „Всё, что наша магистраль могла бы вывозить - это сырьё, необходимое для австро-венгерских предприятий. Когда же оно закончится, мы станем подёнщиками иностранных фабрикантов и капиталистов”.

Последний тезис, кстати, получил развитие и в дискуссии 1881 г. „По Сербии, - подчёркивал влиятельный член радикальной партии, священник Милан Джурич, - ... должен пролечь мировой путь”. И в результате, „сербский народ окажется в положении раба европейских капиталистов, поскольку всё, чем он владеет, со временем перейдёт в их руки. Такие цели теперь достигаются не мечом, но экономическими средствами - капиталом”⁷⁸...

Итак, согласно логике Н.Пашича, построенная во исполнение чужой воли и на чужие деньги железная дорога угрожала низвести Сербию до положения вечного сырьевого придатка, что со временем могло привести к превращению сербов в народ-пролетарий, находящийся в услужении у богатого Запада, к вырождению их в служащий чуждым же целям и не способный к сопротивлению этнографический материал - железнодорожная конвенция, резюмировал он, „создаёт условия для окончательного покорения Сербии Австро-Венгрией”. Год спустя (в ходе дебатов о договоре с Бонту) тот же мотив: „Если мы сербы и хотим оставаться сербами дальше, то мы не смеем ... отдавать строительство нашей дороги в руки фирмы, которая подчинила свои интересы интересам Вены”⁷⁹. Ну, а Вена для него, как мы уже знаем,

⁷⁸ Цит. по: Игњић С. *Народни трибун йроша Милан Ђурић*. Ужице, 1992. с.56.

⁷⁹ Говор Николе Пашића поводом извештаја већине и мањине железничког одбора. 10 марта 1881 г. // *Никола Пашић у Народној скупштини...* Књ.1. с.583 (документ 248).

- это главный проводник западного влияния на юго-востоке Европы.

Ещё через год, в одном из публичных выступлений, Н. Пашич придал своим опасениям универсальный характер. Обрисовывая новый механизм проникновения Запада на Балканы, он говорил: „Когда капитал, ... отождествивший собственные интересы с интересами и планами Австро-Венгрии, сосредоточит в своих руках все железные дороги на Балканском полуострове, когда он подчинит себе все государственные банки региона, - тогда эти различные общества объединятся в одну-единственную фирму, которая будет руководить балканскими железными дорогами по единому плану и в договоре с Австро-Венгрией”⁸⁰.

Круг замкнулся. В крестовых походах „просвещённая” Европа более не нуждалась. Им на смену пришли золото и „огненный конь”. Став главными средствами культурной экспансии Запада, они олицетворяли собой новую (гуманитарную) ипостась его старой как мир политики, ведь „суть западной культуры заключается в лозунге „Drang nach Osten””⁸¹.

Так же, хотя, понятно, не столь „изошрённо”, рассуждали и радикальные депутаты из народа, когда высказывались против договора с Э. Бонту - одобрив его, Сербия рисковала повторить „судьбу американских индейцев”, ибо „открыв Америку, Колумб принёс ей европейскую культуру, а вместе с ней и цепи рабства, чем она обернулась для местного населения”. И следовательно, „та же судьба может постигнуть наш народ, под воздействием так называемой культуры, которую нам силой навязывает Запад”⁸².

В данном случае менталитет закрытого, традиционного общества интуитивно восставал против перспективы соприкосновения с неведомым (а потому - чуждым и страшным) миром; соответственно, весь огонь критики был сконцентрирован на материальном средстве, делавшем такое соприкосновение неизбежным. Именно на этом, идущем из народных глубин, отрицании перемен и замешивали радикальные идеологи свою доктрину неприятия „агрессивного” Запада. Их устами „говорила патриархальная Сербия, которая с деревянными пушками воевала в своё время с Османской империей. Эта Сербия не желала модернизации государства. Среди ораторов, выступавших против Бонту, были крестьяне и торговцы, предприниматели и интеллектуалы; но все они инстинктивно чувствовали, что прокладка магистрали в состоянии нарушить тот неторопливый и заведённый порядок, тот размеренный труд и солидарный образ жизни, что нашему народу были столь дороги и милы”⁸³...

⁸⁰ АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр.14615-1-43.

⁸¹ Пашић Н. *Слога Србо-Хрвајта*... с.101.

⁸² Перовић Л. „Политичка елита и модернизација у првој деценији независности српске државе” // *Србија у модернизацијским процесима XX века*... с.239-240.

⁸³ „Светомир Николајевић”, у: Радикалски потсетник // *Дело*. 29 септембар 1940 г. Бр.50.

Таким образом, дискуссия в сербской скупщине вокруг Железнодорожной конвенции и соглашения с Э.Бонту в очередной раз показала всю многозначность такого явления, как железная дорога. Средство передвижения по определению, она в отсталых странах приобретала ещё и значение универсального рычага цивилизационных подвижек⁸⁴.

Кстати, если речь идёт о дискуссии, то следует выслушать и противоположное мнение - представители правительства решительно высказывались в пользу строительства железной дороги. С одной стороны, они рассматривали её как неизбежную плату за сербскую независимость. С другой же, как начало и основу всесторонней модернизации государства. Прилив в страну иностранного капитала напередняки почитали за благо. С ним, как утверждал министр иностранных дел и финансов чедомиль Миятович, „откроются новые возможности для оживления нашей экономической жизни“⁸⁵. По мысли М.Миличевича, не игнорированием достижений цивилизации, но их заимствованием и использованием, Сербия только и может продемонстрировать свою способность к самостоятельному развитию. А Ст.Новакевич - министр просвещения и церковных дел - подчёркивал, что если Сербия хочет

⁸⁴ Освящая, к примеру, 4 декабря 1872 г. железную дорогу и мост через Двину (Даугаву) в Риге, ректор Рижской духовной семинарии М.Дрекслер говорил: „Разнообразные мысли возникают в душе при виде этого нового пути. Что принесёт он нам? Во всех ли отношениях он будет для нас путь благ? ...Не будет ли сокрушение и бедность на нём? Обмен народного богатства на нём увеличит ли наше материальное благосостояние, вызовет ли у нас усиленную, благоразумную трудовую деятельность, будет ли содействовать развитию нашей промышленности? Будет ли этот путь для нас чист, и наречётся ли он путь свят? Будут ли устранены от него все преткновения для людей наших; не будет ли он соблазном для них? Будет ли он содействовать очищению душ наших, расширяя круг полезных нам знаний, облагораживая наши нравы, укрепляя наш патриотизм? Не будет ли он содействовать возникновению и умножению среди нас тех знаний, которые суть произведения не истинного, а лжеименного разума? Не разовьёт ли он у нас такие нравы, которые под личиной благородства скрывают самые опасные, нравственные раны? Не будет ли он частью просвещником той мнимой цивилизации, которая то под видом ложной общечеловечности и общего братства всех, то под ложным именем национальности - уничтожает действительную, истинную человечность, истинное братство и истинную национальность, презирая строй жизни, указываемый народной историей и требуемый народными особенностями? (Выделено нами. - А.Ш.)” (Речь при освящении железной дороги и постоянного моста через Двину, в Риге, протоирея Михаила Дрекслера // Странник. 1872. Т.4. ч.2. С.98-99). Налицо очевидная переключка основных посылов сербских радикалов и русского духовного лица в русле их „настороженного” отношения к железной дороге. Разница между ними лишь в степени экзальтированности... Приведём здесь и другое характерное высказывание - на сей раз умеренного западника князя П.А.Вяземского, который также уловил, что появление железных дорог как бы разделяет духовную (культурную) историю страны на историю до и историю после, выразив это своё ощущение в художественной форме: „Мы видим, что железные дороги частью уже упразднили, а со временем и окончательно упразднят бывшие путевые сообщения. Другие силы, другие пары давно уже уволили огнекрылого коня, который ударом копыта высекал животворные потоки, утолявшие благородную и поэтическую жажду многих поколений. Ныне Пегас - та же кляча Росинант, на которой развезжал рыцарь печального образа, и поэт в наше время едва ли не тот же Дон-Кихот...” (Вяземский П.А. „Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина” // Вяземский П.А. Сочинения в двух томах. М,1982. Т.2. с.193).

⁸⁵ Перовић Л. „Политичка елита и модернизација у првој деценији независности српске државе” // Србија у модернизацијском процесама ХХ века... с.238. Последующие выступления сторонников строительства железной дороги также приводятся нами по тексту данной работы.

выжить, то она просто обязана модернизироваться. „Мы не можем отрываться от Европы, - резюмировал он. - Мы должны быть в содружестве и сообществе с ней”...

Драматическая коллизия вокруг договора с Бонту завершилась в конце концов его ратификацией сербским парламентом. 10 марта 1881 г. он был одобрен 97 голосами; против высказалось 57 депутатов, при пятерых воздержавшихся⁸⁶.

Принятие документа, однако, совсем не означало, что фундаментальное противоречие между тенденцией к модернизации и глубоко укоренённой патриархальностью (или, если говорить об элите, между носителями либеральной идеи и приверженцами традиции) потеряло в Сербии свою остроту. Напротив. Раскол в „просвещённых” кругах быстро пошёл вглубь - стойкий проевропейский курс напредняцкого правительства и стоявшего за ним монарха наталкивался на растущее с каждым годом сопротивление „заведённого” радикалами крестьянства. Осенью 1883 г. внутренний конфликт в стране достиг апогея - население четырёх восточных округов взялось за оружие. Тимокское восстание, таким образом, явилось открытым столкновением двух прямо противоположных подходов к перспективам развития Сербии и сербского общества.

* * *

Подведём итог. Как мы старались показать, идейно-политическая борьба в Сербии после обретения независимости определялась двумя подходами к вопросу о характере государства. Правда теперь (в отличие от первой половины XIX века) вопрос этот получил новое - цивилизационное - звучание. Либеральное государство, как инструмент скорейшей модернизации (европеизации) общества; или государство „народное”, как хранитель исторических традиций собственного народа, в следовании чему виделся источник его самобытного развития. Столкнулись не просто два государственно-политических проекта, вошли в клинч (в буквальном смысле этого слова) две концепции прогресса. Различия между ними отражали глубинную несхожесть ориентров и принципов, к которым их создатели стремились и на которые опирались. Так личной свободе противопоставлялся суверенитет народа, самой личности - весь социум, индивидуалистическому началу - коллективизм и солидаризм. Иными словами, „пересеклись” фаворизация индивидуума и апология общности - конфликт, весьма типичный для традиционного общества переходной эпохи.

⁸⁶ Стенографске белешке о седницама Народне скупштине, која је држана у Београду 1880 и 1881 г. // Београд, 1881. с.1718.

Вместе с тем, при анализе данного конфликта сразу же бросается в глаза редко где встречающаяся в столь явной форме непримиримость сторон - своего рода локально-сербское проявление общеполитической традиции. В чём тут дело? Чтобы понять и объяснить этот феномен, следует хотя бы вкратце коснуться его социокультурной основы.

Начнём с того, что специфику всякой пограничной культуры составляют более выраженные, в сравнении со „стандартом”, открытость и закрытость. По одной и той же причине - продолжительное соприкосновение с чуждым культурным пространством, а нередко и существование внутри него в виде анклавов - такие культуры являются особенно восприимчивыми к идущим извне влияниям, и в то же время ревниво оберегающими свою самобытность. Постоянные колебания между двумя полярными тенденциями: *космополитической и охранительной* (оппозиция - быть в „открытии” / „укрытии”) суть качество любого пограничья⁸⁷. Всё дело в их амплитуде и условиях.

До поры до времени конфликт двух начал носит неявный характер (амплитуда невелика), нередко принимая форму их сочетания и взаимодействия. Однако, при определённом стечении обстоятельств - как внешних, так и внутренних - он может срезонировать, и тогда подспудная амбивалентность актуализируется, грозя материализоваться в одновременном всплеске напряжения на обоих полюсах: с одной стороны, горизонты „восприимчивости” раздвигаются вплоть до попыток прямой имплантации заграничных образцов, с другой же - „самобытность” приобретает черты фундаменталистского изоляционизма. И всё это параллельно. Система перегревается, и следует взрыв.

В Сербии так и произошло.

Обретение ею независимости совпало по времени с серьёзными изменениями в европейской политике. Завершение промышленной революции и окончательная национально-политическая консолидация (объединение Германии и Италии; установление в большинстве стран буржуазно-либеральных режимов), сделали Европу тесной для предприимчивого западного духа, развязав и направив вовне его энергию. После 1875 г., указывал Арнольд Тойнби, „индустриальная система начала резко наращивать свою активность, так что размах её деятельности обрёл глобальный характер”⁸⁸. Они же сформировали и устойчивое представление Запада о себе, как носителя цивилизующей миссии⁸⁹, следствием чего стал навязчивый экспорт западной пара-

⁸⁷ См.: Топоров В.Н. „Функция границы и образ „соседа” в становлении этнического самосознания” // *Советское Славяноведение*. 1991. № 1. с.29-30; Багно В.Е. Пограничное сознание, пограничные культуры // *Канун*. Вып.2. Полярность в культуре. Спб.,1996. с.420.

⁸⁸ Тойнби А. *Дж. Постижение истории*. М.,1991. с.19.

⁸⁹ По определению немецкого философа Эрнста Трёльча, „в европейском мышлении всегда присутствует завоеватель, колонизатор, миссионер” (Трёльч Э. *Историзм и его проблемы*. М.,1994. с.608).

дигмы на периферии - открытые захваты и грабёж колоний, усилившись сами по себе, сопровождались теперь „воспитанием” и массовым вбросом „единственно верных” ценностей⁹⁰. В последней четверти XIX века, таким образом, „просвещённая” Европа инициировала первую волну глобализации, т.е. „универсализации развития по модели центра”⁹¹.

Балканские народы, воспринимавшиеся тогда на Западе как дикие и варварские (вспомним хотя бы отношение к ним Маркса, Энгельса, Бисмарка⁹²), подлежали „цивилизации” в первую очередь - уход теряющей силу Турции из центральной части полуострова как бы возвращал их в Старый Свет. Роль „наставника” в этом деле предназначалась Австро-Венгрии, тем более, что и подходящий полигон для экспериментов - переданные ей в управление Босния и Герцеговина - находился рядом. Механизм реализации проекта „австро-венгерских Балкан” на примере Сараево исчерпывающе полно показан в работах Славенко Терзича⁹³. Сербии (хотя де юре и независимой) была уготована та же судьба. Особенно если иметь в виду то место, которое в своих геополитических планах отводили ей стратеги с Балль-Платца⁹⁴. Ведь как справедливо, хотя и несколько категорично, высказался Баррингтон Мур, „определяющие факторы политики малых стран находятся вне их границ”⁹⁵. И, думается, не только политики, но и развития вообще.

Мощный внешний импульс был „уловлен” и в столь же императивной форме ретранслирован прозападной частью сербской элиты - повернувшись лицом к Вене, Милан Обренович чётко обозначил наме-

⁹⁰ В марте 1878 г. лорд Литтон выступил в Индии с поистине знаковой речью. В ней он сообщал индусам о цивилизующей миссии Британии, несущей в Индию идеи свободы и личного достоинства. Впервые Запад говорил в таком тоне: „Мы стоим во главе гигантской революции - величайшей и наиболее важной социально, морально и религиозно, а также политически; революции, которую, может быть, мир никогда не видел прежде” (Цит. по: Федотова В.Г. *Модернизация „другой” Европы...* с.52). Эта революция - вестернизация.

⁹¹ Федотова В.Г. *Модернизация „другой” Европы...* с.119

⁹² Презрительно-циничные высказывания „классиков” о балканцах хорошо известны по их работам. Отто Бисмарк был вполне солидарен с ними - греки, сербы, болгары всегда оставались для него лишь „этими похитителями овец”. (Kennan G.F. *The Decline of Bismarck's European Order. Franco-Russian Relations 1875-1890*. Princeton, 1979. p.141).

⁹³ См.: Терзић С. „Проект „Аустро-Угарског Балкана” у Босни и Херцеговини” // *Босна и Херцеговина. Од средњег века до новијег времена* (Зборник радова). Београд, 1995. С.407-423; Он же. „Религија као фактор обликовања националног идентитета Срба” // *Сусрећ или сукоб цивилизација на Балкану* (Зборник радова)... с.299-300.

⁹⁴ По словам австро-венгерского посла в Петербурге Г.Кальноки, „стержневой осью нашей политики на юго-востоке является Белград”. Почему так? „Если мы будем хозяевами в Сербии”, следует ответ, „тогда наше могущество на Балканах будет покоиться на прочной основе” (Цит. по: *Краткая история Венгрии*. М.,1991. с.231).

⁹⁵ Moore B. „Social Origins of Dictatorship and Democracy” // *Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston, 1967. p.XIII.

рение *во что бы то ни стало* "втянуть" Сербию через неё в Европу. Во исполнение такового, призванные к власти напредняки и сделали ставку на прямое заимствование, т.е. „пересадку” результатов западного опыта в местную почву, без учёта её адаптивных возможностей. По свидетельству современников, они собирались „насадить в Сербии европейскую культуру”⁹⁶, и при этом „насиловать и подавлять население для того, чтобы ускорить путь и в короткое время приблизиться к Западу”⁹⁷. Цель оправдывала средства - степень „восприимчивости” этой части элиты достигла максимума.

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа, и это вносило в развитие независимой Сербии черты биполярности. Стремление властей „европеизировать” страну скорым кавалерийским наскоком порождало резкое неприятие оппозиции - „традиционалистское поведение”, по словам К.Манхейма, есть „начальная реакция на сознательные реформаторские тенденции”⁹⁸. Причём сила воздействия „реформаторов” прямо пропорциональна жёсткости отпора „охранителей”, что особенно впечатляет, если под ними понимать социальный монолит (почти 90% крестьян примерно равного состояния), единый, прочно сцепленный патриархальными представлениями и организованный традиционной контрэлитой - радикалами.

Последние же, в условиях прессинга сверху и настойчивого навязывания чуждых ориентиров, начинают всё больше ощущать себя защитниками ценностей подлинных, охранить которые, как им кажется, возможно только пребывая „в укрытии”. Эсхатологическое напряжение, одномерность, их мысли усиливается. Происходит фанатизация масс: радикализм превращается в подобие особой „православной радикальной веры”⁹⁹, а сами радикалы - в нечто похожее на „религиозную секту, или даже на отдельную этническую группу”. В ответ на действия правительства и монарха, в их среде складывается „убеждение, что именно в нас, радикалах, есть спасение Сербии и её счастье. Мы - это те, кого историческое провидение выбрало, чтобы принести ей возрождение”¹⁰⁰. Мессиянское сознание ослабляет внутреннюю цензуру, поощряя „фанатичную разнузданность”¹⁰¹. И здесь цель оправдывает средства - победа или смерть.

⁹⁶ Овсяный Н. *Сербия и сербы*. Спб.,1898. с.90.

⁹⁷ Лавелэ Э. де. *Балканский полуостров...* ч.1. с.204. Характеризуя „сербских Вигов” и их политику, американский историк Майкл Б. Петрович отмечает, что они „видели всё западными глазами” (Petrovich M.B. *A History of Modern Serbia. 1804-1918...* Vol.2. p.416).

⁹⁸ Манхейм К. *Консервативная мысль* // Манхейм К. *Диагноз нашего времени...* с.593; 596.

⁹⁹ Тодоровић П. *Краљ Милан и радикална стјанка* // Тодоровић П. *Српска стјвар у Сјарају Србији. Успомене на краља Милана*. (Приредила Ј. Перовић.) Београд, 1997. с.193.

¹⁰⁰ Он же. *Ближи односи с краљем Миланом* // Там же. с.275.

¹⁰¹ Он же. *Краљ Милан и радикална стјанка* // Там же. с.194.

Напряжение на обоих полюсах неуклонно возросло. „Желание остановить историю столкнулось со стремлением принудить её к прыжку”¹⁰² - описывает типологически схожую ситуацию Ю.М.Лотман. При этом каждый лагерь, свято веря в свою правоту, отказывал в таковой оппоненту, превращавшемуся в смертельного врага¹⁰³. Борьба с ним осознавалась как миссия, направленная на благо Сербии. В действительности же её рвали на части. „Высокая моральная безупречность тех или иных деятелей враждующих партий, - продолжает профессор Лотман, - оказывалась совсем не безупречной с точки зрения интересов целостной структуры. Целостная структура ориентирована на усреднённость и выживание, её механизм - юстиция. Партийность направлена на истину (всегда - свою истину) любой ценой. Крайнее воплощение первой - компромисс, второй - война до победного конца и полное уничтожение противника”¹⁰⁴...

Итак, социальная однородность сербов способствовала разделению их на два враждебных лагеря с прямо противоположными целями. Малочисленная, но экстремистски настроенная, прогрессистская элита и огромная крестьянская масса с мощным потенциалом протеста. Промежуточных, средних слоёв - реальных претендентов на роль той самой „третьей силы”, которая могла бы смягчить конфликт, направив его в русло поисков компромисса - в обществе не было. „Постепеновцы”, т.е. умеренные сторонники модернизации, уважающие традиции своего народа (к каковым, в первую очередь, следует отнести лидера „старых” либералов-националистов Йована Ристича) окончательно теряли значение.

В такие переломные моменты особенно возрастают роль и историческая ответственность Короны, как единственной надпартийной силы, символа и одновременно гаранта „целостности системы”, т.е. единства всех граждан. Сыграл ли Милан Обренович такую роль? Нет, и даже не пытался, чем лишь подлил масла в огонь взаимного антагонизма. Вместо того, чтобы стать инициатором „рационализации конфликта”¹⁰⁵ и взять в свои руки процесс гармонизации опасно разошедшихся интересов, монарх открыто выступил на стороне сербских ультра-либералов (напредняков). „Это моя партия”¹⁰⁶ - часто повторял он, продолжая

¹⁰² Лотман Ю.М. *Культура и взрыв*. М.,1992. с.261.

¹⁰³ „Что меня больно поражало всегда в Сербии, это то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага...” - писал в марте 1882 г. И.С. Аксакову известный славист П.А. Кулаковский, занимавший тогда кафедру русского языка и литературы в белградской Великой школе (Отдел рукописей Института русской литературы РАН - Пушкинского Дома. Ф.572. Д.44. Л.27 об.).

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ „Образ врага”, пишет В.Г.Федотова, - „есть продукт отрицания легитимности других интересов и результат представлений о необходимости навязать общий интерес”. В отличие от него, „рационализация конфликта” - это „согласование интересов” (Федотова В.Г. *Модернизация „другой” Европы...* с.161).

¹⁰⁶ Васильевич А. *Моје устомене*. (Приредио Р. Љушић.) Београд, 1990. с.146. У другого мемуариста тот же мотив: „Король Милан был тогда большим напредняком, чем все члены напредняцкого кабинета” (Марковић М. *Моје устомене*. Београд, 1909. с.92).

поощрять их к „преодалению пространства истории в самые сжатые сроки”¹⁰⁷. В ноябре 1882 г. Милан Миличевич записал в дневнике: „Говорил с Пирочанцем. Признаёт, что ситуация скверная. Рассказывает, что сам король сказал ему - вы (т.е. нынешние министры) имеете народ, который не желает идти путём прогресса, и имеете короля, который толкает вас к выполнению вашей программы. Поэтому вы и разрываетесь...”¹⁰⁸.

По оценке академика С.Д.Сказкина, правитель Сербии „шёл напролом против своего народа”¹⁰⁹. Что это? Преувеличение историка, рождённое антипатией к герою? Ничуть. „Он остался иностранцем в собственной стране”¹¹⁰ - не без сожаления констатировал веком ранее австро-венгерский кронпринц Рудольф Габсбург, размышляя о белградском приятеле. Так оно, наверное, и было, ведь в своей политике король Милан действительно не прислушивался к бившемуся в сербской глубинке пульсу общественного бытия, полагаясь в основном на силу государства и рационалистических доктрин, что в традиционном обществе отнюдь не гарантирует успешного правления. Ему не хватало, как когда-то выразился Н.Н.Страхов, „признания за жизнью большего смысла, чем тот, который способен уловить наш разум”¹¹¹. что ж, мудрость приходит с годами; он же тогда не достиг и тридцати.

По словам С.Н.Трубецкого, „сила государства - в его жизненных принципах, во внутреннем единстве духа, которое обуславливает его политический и культурный строй”¹¹². В независимой Сербии при последних Обреновичах такого „внутреннего единства” не было, ибо не было порождавшей его сбалансированности отношений между государством и обществом, или „политическим и культурным строем”. И в результате, когда король выражал недовольство своим „безумным народом”¹¹³ за непонимание и саботаж его „прогрессивных” устремлений, последний через своих представителей отвечал ему тем же, кляня за то, что он вёл страну „путём чуждым и глубоко противным сербским традициям”¹¹⁴. Трагическая судьба, постигшая его, не кажется нам случайностью.

Наиболее дальновидные современники, оценивая с высоты прожитых лет размах и перехлёсты межпартийной борьбы начала 80-х

¹⁰⁷ Лотман Ю. М. *Культура и варьив...* с.270.

¹⁰⁸ АСАНУ. Бр.9327/11. Дневник М. Миличевића (запись от 23 ноября 1882 г.).

¹⁰⁹ Сказкин С.Д. *Конец австро-русско-германского союза*. М.,1974. с.236.

¹¹⁰ См.: Hamann В. *Kronprinz Rudolf. „Majestat, ich warne Sie...“* Munchen, 1986.

¹¹¹ Страхов Н.Н. *Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом*. СПб.,1885. с.215-216.

¹¹² Трубецкой С.Н. „О природе человеческого сознания” // *Вопросы философии и психологии*. 1891. № 2. с.152.

¹¹³ Подлинное выражение Милана Обреновича // АС. Фонд Милутина Гарашанина. Бр.1058. Л.18 (М.Обреновић- М.Гарашанину. Ниш, 28 новембар 1886 г.).

¹¹⁴ *Никола Пашић у Народној скупштини*. (Приредила Л. Перовић.) Београд, 1997. Књ.2. с.543 (документ 114, примечание 20).

гг., вeсьма сожалели о столь явной политической ангажированности монарха - „как будто это был не сербский король, а член какого-то партийного комитета”¹¹⁵. По их мнению, это была ошибка, которая, как писал уже после физического устранения дома Обреновичей, сам в прошлом ярый радикал, Пера Тодорович, „оказалась роковой для него, для нас и для всей страны”¹¹⁶. Увы, с этим трудно не согласиться...

Резиме

Прва деценија после стицања државне независности од преломног је значаја за историју Србије. Тада су формулисане, у основи, две оријентације њеног унутрашњег развитака, које су имале и различите спољнополитичке ослонце. Присутне и раније, те су се оријентације кристалисале после стварања првих политичких партија (1881). Далеко надмоћнија била је она оријентација коју је изразила Народна радикална странка. Она је израсла из социјалистичког покрета Светозара Марковића, који је тежио непонављању западноевропског пута. Њен се програм састојао у развитаку српске државе у духу патријархалних установа општине и задруге, и у ослоњу на Русију, као кристализациону тачку словенске цивилизације. Њен циљ је: народна држава, заснована на принципу народне самоуправе, и народна партија као гарант њеног јединства.

Друга оријентација изразила се у литералној и Напредној партији. Обе ове партије имале су циљ да се Србија развија по угледу на мале западноевропске државе. У спољној политици балансирале су између Аустрије и Русије. Идеји народне државе, супротстављале су правну државу и владавину закона. Док је Либерална странка на овом циљу ишла постепено, Напредна странка је почетком седамдесетих година извршила праву револуцију у законодавству.

Драматична борба између ових двеју оријентација у првој деценији после стицања државне независности завршена је доношењем Устава 1888. Доласком на власт Народна радикална странка је постала странка-хегмон. Друге две странке, Либерална и Напредна, биле су маргинализоване. Тиме је био одређен и стварни домет либералног Устава 1888.

¹¹⁵ Тодоровић П. *Краљ Милан и радикална странка // Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана...* с.174.

¹¹⁶ Там же.